

одиночества-то в лесу, к людям приехали» ([АМАЭ. Д. 1623. Л. 52–53] Архангельская обл., Виноградовский р-н, с. Концепторье). Можно заметить, как меняются и коммуникативные мотивы выбора места для поселения: соображения безопасности, избегание контактов уступает место страху, наоборот, перед лесом и одиночеством и стремлению к людям.

Новое место как раз и связано со строительством храма, место для которого также определялось по его коммуникативным свойствам, но уже иным, чем первоначальные. Мы уже описывали процедуру выбора места для храма (см. гл. 7): пускали неезженного коня, связанный в плот строительный лес или икону. Куда они придут своим ходом и где останутся, там начинали строить храм, а ввел за ним и селение. Процедура предполагает, таким образом, выявление «естественных путей» (суходутных или водных), ландшафтной структуры данной местности. Строительство начиналось в их узловой точке. Скрытое место в лесу, максимально недоступное, сменялось, таким образом, на точку коммуникативного притяжения, стягивавшую к себе окружающие дороги.

Можно заметить, что оседание пришельцев на новом месте строилось по тому же принципу, что и адаптация гостя в чужом доме. Три главных символа дома: Бог, хлеб и женщина — становились главными признаками оседлости. По мере того, как разворачивалась витальная сфера: распаивались новины, в селении появлялись женщины и строился храм, — дорожная система коммуникативных норм (комплекс отторжения, тревожное ожидание нападения) уступала место домашнему (интегративные установки, выявления узловых, максимально интегрирующих точек территории).

* * *

Итак, мы опять вернулись к точке, с которой начали наше исследование дороги: к дому. Мы представили тексты, под влиянием которых строилось поведение человека начиная от сборов в дорогу вплоть до возвращения. Теперь можно сделать некоторые заключения относительно коммуникативных программ, которые транслировались в этих текстах и определяли функционирование дорожной сети, т. е. системы территориальных коммуникаций.

Заключение

Приступая к этому исследованию, мы предполагали получить сведения о процессах социальной регуляции поведения человека в дороге. Задача распадается на две: «что» транслировалось в рамках культуры дороги (нормы и структура взаимодействий, сообществ, статусы дорожных людей) и «как» (средства передачи и актуализации этих норм и конструирования статусов).

Теперь сформулируем выводы, которые, на наш взгляд, вытекают из приведенных нами выше материалов.

Качели адаптации

Первое направление наших изысканий — реконструкция статусов и норм поведения путника — позволяет составить представление о соотношении процессов интеграции/отторжения в культуре дороги, и тем самым о функционировании социальных коммуникаций.

Самым любопытным из наших наблюдений можно считать феномен сщеления коммуникативного кода с витальным, так что посредством одних и тех же символов транслировались и запускались в действие как коммуникативные, так и витальные поведенческие программы. Одни и те же тексты считывались посредством двух разных ключей, а витальное и коммуникативное поведение оказалось взаимопереводимым. Зависимость между ними прямая: положительные значения на витальной шкале (прокреативные и провитальные значения: роды, материнство, жизнь, плодородие, активные жизненные проявления и телесные отправления) активизируют положительные значения и на шкале коммуникативной (интегративные программы и символы). Поэтому активизация витальных отправления связана и с запуском объединительных процессов, блокируя программы отторжения. Фактически витальные отправления и символы действуют как сигналы, регулирующие и коммуникативное поведение. Этнографические материалы представляют множество свидетельств того, что коммуникативное поведение управляется посред-

ством витальных символов¹. В частности, дорога устойчиво ассоциируется с антивитальными значениями (смерть, бесплодие, разложение и умерщвление плоти).

Такое сцепление кодов имеет вполне конкретные последствия, а именно: поддерживает зависимость функционирования системы территориальных коммуникаций от состояния демографической сферы. Выше мы постоянно сталкивались с проявлениями такой зависимости, а сейчас подытожим наши наблюдения.

Фоновый режим

В обычном состоянии, когда демографическая система функционировала без видимых нарушений, представление о дороге как источнике опасности и угроз, антивитальных, потусторонних сил, поддерживало коммуникативный барьер. В первую очередь от дорожных влияний изолировались беременные, роженицы, новорожденные — сфера воспроизводства. Странникам нельзя было входить туда, где есть недавно родившие и новорожденные. Дети прятались от них под кровать. Барьер поддерживали поверья о глазе и порче, которые могут исходить от людей дорог. Программу самоизоляции репродуктивной сферы поддерживали поверья о глазе и порче, которые могут исходить от пришельца, а также о том, что в облике его может явиться нечистая сила (леший, лешачиха, огненный змей) и подменить ребенка, обмануть и соблазнить, а затем замучить женщину и т. д. Влияния дороги осознавались как несущие смерть, бесплодие, разнообразные нарушения, а потому блокировались.

Те же соображения определяли «остаточный» принцип обеспечения системы ТК (территориальных коммуникаций) ресурсами: материальными, временными, людскими. В дорогу с большей вероятностью вытеснялись те, кто был вытеснен из сферы воспроизводства (старцы, бесплодные, безбрачные, нарушители репродуктивных норм, больные) или испытывал недостаток средств жизнеобеспечения. Более благополучное и прокреативное ядро сообщества покидало насаженное место в последнюю очередь. В систему ТК, на содержание дорожных людей, предназначались те предметы и продукты, которые были отмечены знаками смерти: нищим отдавали зерно, полежавшее в трубу, продукты с поминоков, пирожки, которыми потеряли больного лихорадкой, либо одежду этого больного, вещи покойника и т. д. Некоторые

¹ Витальную символику (тело, телесные отправления, любовь, смерть, рождение) вообще следует признать первичной и наиболее действительной. Мотивы жизни и смерти — наиболее глубокий и общий тип мотивации.

из таких предметов просто выносили на перекресток, другие отдавали нищим, третьи относили ко святым местам паломники, и они тоже поступали нищим, либо их продавали, а вырученные деньги шли на содержание святыни.

Кризисная активизация

В кризисной ситуации вся эта система взаимодействий дороги и дома перестраивалась.

На первых порах барьер только укреплялся. В случае рождения уroda грехи на нищенку, которая зашла вскоре после его появления на свет: подозревали, что она (а) сглазила или (б) испортила ребенка, либо (в) оказалась лешачихой и обменяла человеческое дитя на свое лешачье отродье. Поверья о колдовстве, глазе и леших в этом случае усиливали недоверие к прохожим странникам. Если обнаруживалась внебрачная связь местной женщины с чужаком или рождение внебрачного ребенка, то подозревали, будто к женщине ходит леший, и прикладывали усилия к тому, чтобы прекратить их связь. Приближение повальной болезни иногда вело к изгнанию и даже расправе над пришельцем, которого обвиняли в колдовстве или принимали за олицетворение болезни. Таким образом, представление о дороге как источнике вредоносных воздействий (сфере, где сосредоточены силы смерти) в кризисных ситуациях могло быть обоснованием укрепления барьера и самоизоляции оседлых сообществ, а в особенности, как и всегда, сферы воспроизводства жизни.

Приток информации из ТК. Знахарские услуги

Вместе с тем, разного рода несчастья заставляли обращаться к прохожим за знахарскими услугами. Услуги эти (как и несчастья) чаще всего касались как раз репродуктивной сферы. Таким образом, в кризисной ситуации открывался канал (знахарские услуги), по которому информация из системы ТК проникала в жизнь оседлого сообщества, и именно в сферу воспроизводства, обычно для нее закрытую. Знахарская информация — кризисная (нарушения и способы их нейтрализации), и допускалась она в точки дезадаптации, где обнаружились слабые места и недостаточно оказалось традиционных, обычных для данного селения приемов. Приток в эти точки разрыва кризисной информации из системы ТК должен был способствовать адаптации и ликвидации нарушения или, во всяком случае, повышению адаптивного потенциала сообщества, получившего новое знание. Таким обра-

зом, влияние дороги в этом случае (пришелец=знахарь) должно было иметь стабилизирующий эффект.

Приток ресурсов в систему ТК

Повышение частоты нарушений в демографической сфере (случаев безбрачия, бесплодия, супружеских измен, внебрачных связей и родов, детской смертности и уродств) вело к активизации территориальных коммуникаций.

Во-первых, повышается частота обращений к прохожим знахарям, а значит, усиливается приток кризисной информации извне.

Во-вторых, увеличиваются подаяния нищим, а подаянием кормились разные категории пережогого люда: не только профессиональные нищие или погорельцы, но и странники-богомольцы, иногда паломники и отходники, если не повезло с заработком. Особыми стимулами к подаянию служили смерть кого-либо из близких (подавали нищим, чтобы те помолились о его душе; после смерти ребенка раздавали нищим 40 крестиков и т. д.), болезни детей («отдавали» ребенка нищему в окно, за что нищему полагалась благодарность).

В-третьих, активизировалось паломничество ко святым местам, что означало усиление притока туда как приношений, так и кризисной информации.

В-четвертых, демографические нарушения стимулировали обеты построить часовню, поставить крест, — и повышение уровня нарушений означало умножение коммуникативных сгущений, образование новых узлов, куда стягивалась кризисная информация и, таким образом, развитие всей этой системы.

Это означало и поддержание разметки дорожной сети, появление ориентиров в ее узловых точках (сакральные объекты строились на скрещении путей, выполняя роль ориентиров). Обычаи ставить у дорог (на перекрестках и развилках) памятные знаки в случае смерти ребенка или просто кого-то из близких, а также строить мостики через ручьи и речки в память об умершей женщине (у белорусов) также способствовали устройению и структуризации дорог. Частота несчастий опять-таки служила здесь очевидным стимулом.

Таким образом, учащение нарушений, прежде всего, в демографической сфере включало механизмы активизации и интенсификации территориальных коммуникаций: приток туда ресурсов, структурирование, обмен информацией (приток и концентрация кризисной информации в коммуникативных узлах и снятие барьеров для ее распространения в селениях). Эти механизмы действовали постольку, поскольку территориальные коммуникации маркировались витальной (чаще всего репро-

дуктивной) символикой. Вспомним материнскую символику и животворящее действие святых источников, деревьев, камней, чудотворных икон и обетных крестов, веру в способности прожогого знахаря привораживать возлюбленных и лечить от бесплодия.

До некоторой степени такая тенденция способствовала притоку кризисной информации в точки дезадаптации и в конечном счете ликвидации кризисных явлений.

Поглощение дорогой

Но так продолжалось только пока кризис не достиг некоторого предела своего развития. Если он охватывал все сообщество, точнее, в обществе распространялось сознание кризиса, то процесс начинал разворачиваться в ином направлении. Пришелец начинал играть роль пророка, его принимали как святого или истинного царя, а то и воплощенного Бога. Идеология дороги, распространяемая им, вызвала сочувствие у значительной части оседлого населения, и оно усваивало ценности дороги. Начинались процессы свертывания материально-производственной, а также и демографической сферы. Люди распродалли имущество, раздавали все нищим, жертвовали на монастырь, осознавая полную бесполезность материальных богатств в виду близкого конца света. Женщины бросали мужей и бежали вслед за проповедником в лесной скит. Возникли секты, общины, практиковавшие сексуальное воздержание, умерщвление плоти, инфантицид, ритуальный суицид (самосожжение), ускорение смерти дряхлых и больных и прочие формы блокирования репродуктивной сферы и ограничения жизненных проявлений.

В конечном счете, дорога втягивала часть оседлых жителей в свои пределы: одни отправлялись по миру, другие — искать Беловодье или просто свободную землю, где можно жить спокойно. Эти снявшиеся с места и не осевшие, в свою очередь, побуждали к тому же оставшихся. Они разносили по деревням слухи о дальних богатых землях, распространяли «путешественники», махившие в путь. Увеличение числа такого народа усиливало эсхатологические толки (которые странствующие обыкновенно и разносили, поскольку эсхатологическая идеология соответствовала их мироощущению и положению) и стимулировало рост кризисного сознания в оседлых (пока) селениях, которые тоже приходили в нестабильное состояние и готовы были двинуться с мест. Процесс приобретает характер саморазвития, расширяясь подобно пружине. Этот вариант реализуется в том случае, если первоначальная интенсификация коммуникаций не привела к адаптации в старом месте; тогда разворачивается сценарий

смены места, а вместе с ним и внешних условий (природного или социального окружения).

Вернемся к антивитальному символизму дороги, чтобы отметить еще одно его действие. Маркирование дороги — области культуры и части пространства — знаками небытия блокировало или ограничивало процессы жизнедеятельности, в особенности репродуктивное поведение. Репродуктивные запреты, антикреативные нормы, действовавшие в системе ТК, препятствовали ее превращению в самовоспроизводящуюся и автономную популяцию: дорожное население принципиально временно и должно постоянно пополняться за счет оседлого. Оно не могло превратиться в отдельный кочевой этнос. Иными словами, антивитальный символизм дороги препятствовал номадизации русской культуры при сохранении ею достаточно высокого уровня подвижности.

Культура неопределенности

Другой вопрос, не менее интересный, чем содержание социальной регуляции в дороге, — ее форма. Какая регуляция, если человек одинок и свободен, идет в чистом поле, никого кругом, а если встретится кто, так в поле две воли: чья возьмет. Идет себе без статуса, имени, не помня родства. Может сам его себе тут же и сконструировать: кто проверит? Область аномии. Правила и статус не определены.

Тем не менее мы фиксировали стереотипы поведения, нормы, транслируемые в форме запретов или культурных образцов и на практике формировавшие поведение дорожных людей. Каким образом свободный человек усваивает эти нормы и необходимость им следовать?

Средством социального управления оказывается сама неопределенность, точнее, ее символы. Таковыми служат представления о разного рода силах, иногда персонифицированных (нечистая сила). Неопределенность символизируется (получает образ: какой-нибудь бес, лепший и т. п.), и с этих пор ею возможно манипулировать. Страх — спутник неопределенности — получает образную оболочку и становится подкреплением транслируемых в этой оболочке норм. Дорожные запреты (раскидывать на дороге костер, еду, отдыхать на тропинке), как и прочие правила, подкрепляются ссылками на лешего (разматает костер, раскидает еду, толкнет спящего путника). А леший — образ страха, возникшего в ситуации неопределенности (при встрече с незнакомцем, неожиданным появлении животного, порыве ветра).

Страх обретает образ, а этот образ кодируется, т. е. с ним связывают посредством фольклорных текстов (напр., быличек, примет, слухов,

пословиц, загадок) определенный набор нормативных предписаний, запретов, правил и образцов поведения.

Посредством закодированных таким образом символов культура получает возможность на расстоянии формировать поведение человека в типовых и даже неопределенных ситуациях (эти ситуации указаны в тех же текстах, и когда они возникают в действительности, то служат сигналом и к реализации заложенных там реакций, образцов поведения). Фактически сама ситуация неопределенности, возникающая, служит сигналом к актуализации заготовленных культурной образцов.

Эти механизмы управления действуют как в дороге, так и в случае контакта дорожных людей с оседлым сообществом. Пришелец обнаруживает (часто путем направленных поисков) в сообществе зону неопределенности (кризиса, нарушений: они порождают неопределенность, поскольку показывают негодность традиционных моделей поведения). Знахарь ищет больных или брошенных мужем, пророки — заболевшие сообщества. Зону неопределенности он маркирует уже знакомыми нам символами: образами страха и беды. Единичные несчастия обозначаются как результат порчи, сглаза, действия враждебных бесов или их вселения в тело больной. Массовое неблагополучие объясняют нашествием дьяволов, которые «заполонили всю землю» или приходом к власти антихриста. Те же символы меняют масштаб в соответствии с масштабами кризиса.

Символы неопределенности могут быть использованы как безлично, так и в прямом управлении, персонифицированном лидером. В последнем случае человек, претендующий на роль лидера, идентифицируется с управляющим символом: лутник наряжается лептим, вставив картофельные зубы; знахарь демонстрирует владение бесами/страхом; пророк показывает свое знание того, чего никто не знает — знание, а вместе с тем власть над надвигающейся жутью.

По существу, они идентифицируются с неопределенностью, не случайно всем этим странным лидерам сопутствует тайна. Их знание тайное, они носят в шапке списки тайных слов, тайна, недоступная прочим, открывается им в видениях. Естественно, такая модель управления (в том числе его персонифицированной формы — власти) реализуется только в ситуации кризиса (в витальной или социальной сфере), так что ее можно считать формой кризисного управления. Более того, носители этого рода управленческих навыков направлены формируют кризисные ситуации или кризисное сознание, как условия своей требовательности.

Таким образом, основная формула управления в культуре дороги — символизация и кодирование неопределенности. Правила поведения подкрепляются страхом, уже существующим (в дороге, перед

пришельцем) или направленно формируемым (пугающие фокусы знахарей, пророчества Страшного Суда). Получается парадоксальная ситуация: сама аномия, возникшая, становится средством управления. Отсутствие норм оборачивается их актуализацией.

Вообще в культуре дороги много парадоксального, начиная от самого выражения «культура дороги». Какая культура, если традиция говорит, что больному да дорожному закон не писан? Но тут же обнаруживается закон. И закон, и статусы, все есть, только невидимо. Все следует нормам, никто их не знает. И вся эта воля ускользает, обнаруживая признаки власти. В чистом поле прорастают какие-то структуры, вырисовываются и тут же начинают действовать коммуникативные сети. Бросаете монетки в фонтан? Значит, думаете вернуться.

Илл. 20. Птица Сирин. Каргопольская глиняная игрушка.
Рисунок автора.

Библиография

- Абанькина 1998 — *Абанькина Е. В.* «Мифологическая» функция туристской былячки // Мифология и повседневность: Мат-лы науч. конф. 18–20 февраля 1998 г. СПб., 1998. С. 223–229.
- Абрамов 1907 — *Абрамов И.* Старобрядцы на Ветке // ЖС. 1907. Вып. 3–4. С. 118–119.
- Абызов 1997 — *Абызов Ю.* Эскапизм как подоснова русско-балтийского быта // Русская Прибалтика. Вильнюс, 1997.
- Агапкина 1996 — *Агапкина Т. А.* Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Агалкина 1997 — *Агалкина Т.* «Мать Пресвятая Богородица, колокол святой» // Родина. 1997. № 2. С. 86–88.
- Адоньева, Овчинникова 1993 — *Адоньева С. Б., Овчинникова О. А.* (сост.). Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.
- Акатьева 1996 — *Акатьева С. В.* О некоторых символических образах и представлениях страха в древнерусской культуре // Социально-культурные и этнические стереотипы / Науч. конф. молодых ученых и аспирантов. 8–10 октября 1996 г. М., 1996.
- Акимова, Архангельская 1969 — *Акимова Т. А., Архангельская В. К.* (сост.). Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Саратов, 1969.
- Александров 1983 — *Александров А. А.* О следах язычества на Псковщине // КСИА: Средневековая археология Восточной Европы. М., 1983. № 175. С. 12–18.
- Александрова 1959 — *Александрова Е. А.* Устная проза о Разине // Ученые записки Даугавпилсского пед. ин-та. 1959. Т. 4.
- Алексеев 1980 — *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
- Алексей (иеромонах) 1913 — *Алексей*, иеромонах. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. СПб., 1913.
- Андерсон б. г. — *Андерсон В.* Старобрядчество и сектанство: Исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб. (б. г.)
- Андреанов 1985 — *Андреанов Б. В.* Неоселдое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985.
- Автянович 1877 — *Автянович В. Б.* Колдовство // Тр. Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край / Мат-лы и исследования, собранные П. Чубинским. СПб., 1877. Т. 1. Вып. 2.
- Аристов 1867 — *Аристов Н. Я.* Предания о кладах // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1867. Т. 1. С. 709–739.